КОРПУСНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Изъ записокъ С. Н. Глинки).

Мѣсто Пурпура занялъ въ Кадетскомъ Корпусѣ Графъ де Бальменъ, сановитый и умный. Въ это время въ Русскихъ полкахъ люди военные составляли два разряда: одни были приверженцами Графа Задунайскаго, другіе Князя Таврическаго. Графъ де Бальменъ поступилъ въ Корпусъ изъ-подъ знаменъ Таврическаго и съ приверженностію къ Князю Таврическому (*).

Графу де Бальмену давали мы, Кадеты втораго возраста, одинъ только дѣтскій праздникъ. Мы под-

(*) Одинъ изъ сыновей Графа въ послѣдствіи былъ въ числѣ охранителей Генерала Бонапарте на островѣ Елены и женился на дочери Англійскаго Намѣстника скалы Еленской.

носили Графу и вѣнки и цвѣты и прочія изъявленія усердія.

Не могу сказать: почему Графъ де Бальменъ, какъ будто бы мелькнувъ въ стѣнахъ Корпуса, отправился или въ Крымъ или на Кубань.

Преемникомъ Графа де Бальмена былъ Графъ Ѳедоръ Евстафьевичь Ангальтъ. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ поколѣнію того Ангальта, который съ властелиномъ обширныхъ странъ Европейскихъ и областей за-Океанскихъ, съ Карломъ V, отъ имени Князей Имперскихъ заключалъ условія; но извѣстно, что онъ былъ родственникомъ Екатерины и ея Генералъ-Адъютантомъ. Наружность Графа: ростъ высокій и стройный; прическа Короля Прусскаго; зеленый мундиръ съ простыми обшлагами; бѣлыя суконныя панталоны; ботфорты объ одной шпорѣ. А отъ чего? Отъ того, что въ Семилѣтнюю войну, спѣша къ Королю, онъ не успѣлъ надѣть другой. «А за это» — говорилъ онъ — «я самъ себя наказалъ, чтобы помнить, что надобно завсегда быть готовымъ на свое дѣло». Неразлучныя его подруги: кротость и снисхожденіе. Добродѣтель свѣтилась во всѣхъ чертахъ привѣтливаго его лица; проглядывалъ въ нихъ и умъ Фридриха II, страстно имъ любимаго. Онъ строгъ былъ только къ себѣ; и я изобразилъ это въ надписи къ его портрету. Вотъ она:

Какъ нѣжный онъ отецъ,
Кадетъ всегда любя,
Былъ Титомъ для другихъ,
Катономъ для себя.

Никогда никакая туманная черта не налегала на лице его; а я видѣлъ Графа почти каждый день, а иногда и по два раза. Извѣстно объ одной только его ссорѣ: о ссорѣ съ Княземъ Таврическимъ. Задунайскій былъ его героемъ. Онъ первый передалъ намъ его имя. «Запишите»—говорилъ онъ—«запишите имя Графа Румянцева и въ тетрадяхъ вашихъ и въ памяти и въ сердцахъ. Онъ былъ Кадетомъ; пусть онъ будетъ фаросомъ вашимъ на путяхъ военной вашей службы. Фридрихъ любилъ и уважалъ его, хотя онъ и овладѣлъ Кольбергомъ. Герои уважаютъ героевъ».

Сердце Графа Ангальта всегда жило въ стѣнахъ Корпуса; а самъ онъ жилъ за Невою, въ домѣ того великолѣпнаго Князя Григорія Григорьевича Орлова, который не усомнился отправиться въ Москву, въ то время, когда на стогнахъ ея витало грозное моровое повѣтріе.

Слышите ли свистъ бури Ноябрской на берегахъ Невы величавой? Она шумитъ, какъ будто бы грозою порывистыхъ страстей человѣческихъ. Это вѣсть налета льдовъ съ бурной Ладоги. Графъ Ангальтъ и подъ шумомъ бури спѣшитъ въ Корпусъ. Дневальный будочникъ у Невы говоритъ: «не льзя». Графъ показываетъ Генералъ-Адъютантскую свою трость и возражаетъ: «можно!» Настилаютъ доски и онъ первый переходитъ по зыблющейся ледяной поверхности. Вотъ онъ, въ залѣ кадетской; онъ и въ торопливомъ кружку Кадетъ; вотъ раздается и голосъ его:

«Дѣти мои! любезныя дѣти! товарищи! любезные товарищи! Ѣду къ вамъ, выхожу изъ кареты! Спускаюсь съ крыльца на Неву. Меня останавлива-

ютъ. Говорятъ: «темно»! Приказываю принесть фонарь. Говорятъ: «ледъ чуть сталъ»! Приказываю настилать доски: и я у васъ, и я съ вами. Воетъ вѣтеръ; знобитъ морозъ. Мнѣ не холодно. Любовь все согрѣваетъ; трудъ побѣждается трудомъ: для васъ мнѣ все легко. Въ мірѣ вещественномъ нѣтъ свѣта безъ тѣни. Въ мірѣ нравственномъ обязанности наши — наше солнце; при блескѣ его лучей мы идемъ съ душою, чуждою гордости; а если бъ и встрѣтилась тѣнь, то скромность ее отклонитъ. Одушевляйтесь величіемъ этихъ нравственныхъ обязанностей. Знайте ихъ; понимайте; выражайте ихъ дѣлами, сердцемъ, умомъ. Исполинъ и малютка равны передъ Богомъ. Обильный источникъ обтекаетъ сердце человѣческое; черпайте изъ него. Предусматривайте, предусматривайте. Слово начинаетъ, примѣръ довершаетъ. Солнце свѣтитъ не для себя, но для вселенной. Все для дружбы; все дружбою и вездѣ дружбою. Заниматься Науками и не любить человѣчества, все то же, что засвѣтить свѣчу и зажмуриться Безумецъ на высокой чредѣ подобенъ человѣку, стоящему на вершинѣ горы. Всѣ кажутся ему оттуда карликами, а онъ самъ карликъ. Чваниться породою предковъ значитъ добиваться плодовъ въ корняхъ, забывъ, что они на цвѣтущихъ вѣтвяхъ, а тѣ въ мракѣ подземномъ. Убѣдитесь, дѣти мои, въ этой мысли! Пусть она будетъ жизнію вашей жизни. Добрая воля есть душа труда. Не расточайте времени: оно ткань жизни!

Courage! le coeur à l'ouvrage, courage!

Страхъ есть глупость. Я люблю, я восхищаюсь Рус-

скою поговоркою: не бойся! небось! Достоинство, а не порода, не богатство, не степени блистательныя составляютъ человѣка! Прахъ, поднимаемый вѣтромъ, все прахъ; а алмазъ и въ пыли не теряетъ цѣны своей. Истинная слава—подруга истиннаго достоинства. Отцы! матери! помните, что когда соловей на гнѣздѣ сидитъ, тогда ему не до пѣсенъ. Онъ занятъ птенцами; онъ заботится о птенцахъ своихъ.

«Дѣти мои! любезныя дѣти! товарищи, любезные товарищи! Воспитаніе есть нѣжная матерь; оно усѣиваетъ цвѣтами путь ученія. Идите за мною этимъ путемъ: мнѣ пріятно, мнѣ сладостно дѣлиться съ вами мыслію, душею, сердцемъ. Вы въ мысли, вы въ душѣ, вы въ сердцѣ моемъ!»

Такъ начиналъ и такъ оканчивалъ рѣчи свои Графъ Ангальтъ.

Я сказалъ выше, что въ затворническихъ стѣнахъ нашего Корпуса былъ и театръ.

Первыя лица въ трагедіяхъ представляли съ жаромъ, выраженіемъ и душею: *Чернышъ,* близкій по уму и сердцу Графу Безбородко; Владиславъ Александровичь *Озеровъ,* переселившій въ память и душу свою театръ Корнеля, Расина и Вольтера; П. С. *Желѣзниковъ,* переводчикъ *Телемака* и нѣкоторыхъ произведеній Италіянской Словесности. Всѣ они отличались счастливыми способностями ума; всѣ они пламенѣли живою чувствительностію и прежде времени сошли съ поприща жизни. *Черныш*ъ былъ въ чужихъ краяхъ, обѣщалъ въ себѣ блистательнаго *дипломата,* и

—исчезъ въ бурѣ страстей года черезъ четыре по выходѣ изъ Корпуса. *Желѣзниковъ*, напитанный и Расиномъ и Фенелономъ и Тассомъ и Петраркою, промелькнулъ и угасъ, какъ быстрый лучь, сверкнувшій въ мимолетныхъ облакахъ. *Озеровъ* пережилъ ихъ, вызвавъ на театръ и Шотландскаго Барда *Оссіана* и слѣпца *Эдипа* и героя *Донскаго;* но онъ въ живыхъ какъ будто бы сошелъ въ могилу, или отъ волненія собственнаго воображенія или отъ стрѣлъ зависти, неразлучною тѣнью слѣдящей достоинство и дарованіе.

Голосъ добродѣтелей древняго Рима, голосъ Реґуловъ и Катоновъ, громко откликался въ пылкихъ и юныхъ душахъ Кадетъ. Область воображенія не любитъ быть пустынею. Были у насъ свои Катоны; были и подражатели Греческихъ доблестей; были свои Филопомены. Иное предложу здѣсь; а другое выскажется въ свою очередь.

Былъ у насъ Катонъ — *Гине,* поступившій изъ Кадетъ въ Корпусные Офицеры и въ Учители Математики. Если бы онъ былъ на мѣстѣ Цинцинната, то, вѣроятно, и ему довелось бы изъ стана ратнаго проситься у Сената Римскаго распахать и обработать ниву свою. Кромѣ жалованья, у него не было ничего; но былъ у него братъ, цѣнимый имъ свыше всѣхъ сокровищъ. Взаимная ихъ любовь, какъ будто бы осуществила Кастора и Поллукса. Но это герои баснословные. На поприщѣ исторической любви братской *Гине* сталъ на ряду съ Катономъ Старшимъ, который на три предложенные ему вопроса: *кто лучшій его другъ?* отвѣчалъ; *братъ, братъ* и *братъ*. Братъ нашего Катона-Офицера, служившій въ Кронштадтѣ.

опасно занемогъ. Громовымъ ударомъ была эта вѣсть для брата его. Свирѣпствовали трескучіе крещенскіе морозы. Заливъ крѣпко смирился подъ ледянымъ помостомъ. Саней не на что было нанять. Но была душа, двигавшая и ноги и сердце. Братъ-герой отправился пѣшкомъ въ однихъ сапогахъ и даже безъ чулокъ. Можно было достать и сапоги и кеньги: но Гине терпѣлъ, а не просилъ. Съ небольшимъ въ полтора сутокъ перешелъ онъ заливъ; навѣстилъ, обнялъ брата и возвратился въ Корпусъ къ завѣтному дню дежурства своего. Хотя оказались признаки горячки; хотя уговаривали его отдохнуть и вызывались отдежурить за него; онъ возражалъ: *не измѣню должности моей!* Отдежурилъ; слегъ на одръ болѣзни; въ бреду горячки видѣлъ непрестанно брата, говорилъ съ нимъ и съ именемъ его испустилъ послѣднее дыханіе. Я былъ при погребеніи его; я слышалъ надгробное слово. Проповѣдникъ плакалъ и — мы всѣ плакали. Прими, братъ и другъ вѣрный, рано отжившій для Корпуса и для добродѣтели, прими отъ меня новую жертву воспоминанія!

Сотоварищемъ *Гине* былъ *Петровъ*, находившійся въ числѣ *Гимназистовъ*, которыхъ, какъ я уже сказалъ, готовили въ Учители, не преграждая однакожь и другихъ путей службы. Онъ очень успѣлъ въ языкахъ и страстно любилъ музыку. Часто и съ восхищеніемъ слушалъ я Русскія пѣсни, оживляемыя смычкомъ и глубокою его чувствительностію Душѣ его нужна была душа; сердце и любовь указали ему подругу въ веснѣ жизни; умъ и душа его свѣтились въ голубыхъ ея глазахъ. Природа все дала ей. а судьба — ничего. Блаженствуя въ нѣдрахъ взаимной

любви, *Петровъ* еще болѣе занялся уроками, служившими для него единственнымъ средствомъ для жизни. Ходьба по городу и непрестанное напряженіе духа повергли его въ жестокую болѣзнь, а лекарства поглотили выработанное трудомъ. Живымъ мертвецомъ привсталъ онъ для новаго горя! Мѣста его заняты были другими Учителями. Въ эти невзгодные и туманные дни, онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова и продажею послѣднихъ книгъ добывалъ насущный хлѣбъ и для себя и для подруги своей. Горькую пили они чашу, но не роптали. Горе жизни испытываетъ любовь и если не убьетъ ее, то даетъ ей новый полетъ. Не знаю въ живыхъ ли онъ теперь; но онъ жилъ: онъ любилъ и былъ любимъ.

Призракъ исполинскаго Рима заслонялъ отъ насъ обширное наше Отечество, и въ Россіи мы какъ будто бы видѣли и знали одну Екатерину. Въ честь ея мы пѣли хоры не Русскіе. а *Французскіе*. Вотъ начало одного изъ сихъ хоровъ:

«Aimons, aimons toujours notre Auguste Souveraine;
Au temple de la gloire elle n'a point point de rivaux, и пр.

Хоры Французскіе сочинялъ Г. *Сюрвиль*, наставникъ нашъ въ декламаціи. Превосходно игралъ онъ *Мольерова* Мизантропа. Душа ясная проглядывала въ чертахъ кроткаго его лица. Авторская неудачная попытка разлучила его съ Франціей. «Въ молодости моей» — говорилъ онъ — «сочинилъ я романъ и мечталъ, что слава о немъ вездѣ прошумитъ; прихожу однажды къ знакомцу моему Маркизу, и что же? вижу, что романъ мой превращенъ въ ничтожные

папильйотки! Самолюбіе мое раздражилось и — я уѣхалъ въ Россію». Другіе иначе разсказываютъ.

Печаленъ былъ послѣдній годъ жизни умнаго и добраго *Сюрвиля:* онъ мучился жестокою простудою въ рукахъ и недостатками въ существованіи. Наши наставники привлекали наши сердца любовью. Мы любили Сюрвиля, часто навѣщали его, и, видя его нужды, спрашивали: «для чего онъ не проситъ помощи?» Отвѣтъ его былъ всегда одинакій: «я не протягивалъ для милостыни здоровой руки, не протяну и больной.»

Между тѣмъ Богъ знаетъ, куда бы я залетѣлъ съ романическою и Римскою моею мечтательностію, если бъ на этомъ бурномъ пути не пріостанавливалъ меня умный и опытный гувернеръ мой *Лебланъ.* Казалось, что онъ въ одно и то же время жилъ и въ Россіи и во Франціи. Каждую недѣлю исписывалъ онъ по нѣскольку листовъ очень красивымъ почеркомъ и отправлялъ на родину. Но это заочное сношеніе съ заграничными родными и друзьями не отдаляло сѣрдца его отъ Кадетъ.

Лебланъ не стѣснялъ себя одною Французскою Словесностію. Нѣсколько разъ перечитывалъ онъ Исторію о Тридцатилѣтней войнѣ — эту живую картину борьбы и страстей и мнѣній. «Во Французской Словесности» — говорилъ онъ — «не достаетъ еще книгъ для первоначальнаго воспитанія. Германія счастливѣе въ этомъ Франціи: у нее есть *Кампе.* Въ честь этого друга воспитанія учредилъ онъ *Вечера Кампе.* По буднямъ въ шесть часовъ, послѣ обѣденныхъ нашихъ классовъ, а по праздникамъ въ пять часовъ по полудни, призывалъ онъ насъ по нѣ-

скольку человѣкъ въ комнату свою на *вечера;* я всегда былъ на этихъ незабвенныхъ для меня вечерахъ: радужнымъ лучемъ сливались они съ зарею моей жизни. Чтеніе *Кампе* началось его *Робинзономъ Крузе,* извлеченнымъ изъ «Робинзона» *Давида Фее* и предложенное въ разговорахъ. «Видите ли» — говорилъ онъ — «что можетъ сдѣлать и одинъ человѣкъ, употребляющій всѣ силы тѣлесныя и всю дѣятельность разсудка. Природа мертва, человѣкъ ее оживляетъ: рука Робинзона преобразила островъ, куда занесла его буря. Этого мало: силою ума онъ исторгъ изъ рукъ дикихъ страдальца, котораго они готовились поглотить. Гдѣ не свѣтитъ лучь разсудка, тамъ цѣпенѣетъ въ одичалости и Природа и человѣкъ.» Это не мои, — это слова моего наставника.

Отъ *Робинзона* перешли мы къ *Открытію Америки,*—также сочиненію *Кампе,* въ разговорахъ. Тѣсный объемъ комнаты какъ будто бы превращался въ обширный Океанъ, по которому летѣлъ *Колумбъ* къ берегамъ Новаго Свѣта. Летѣли за нимъ и мысли наши. Каждый изъ насъ порывался въ его сопутники. Въ глазахъ нашихъ боролся онъ съ бездною Океана и съ грозными воплями отчаянныхъ сопутниковъ. Мы содрогались, когда Колумбъ обрекъ себя на смерть, если черезъ три дня не увидятъ земли; а когда загремѣлъ радостный крикъ: *берегъ! берегъ!* и мы единодушно воскликнули: «берегъ! берегъ!» Но и въ книгахъ и на дѣятельномъ поприщѣ общественномъ радость смѣняетъ горе, а горе слѣдитъ радость. Не миновало это и насъ. Вмѣстѣ съ открытіемъ Новаго Свѣта, открывался въ глазахъ нашихъ новый міръ борьбы страстей человѣческихъ. Мы, питомцы

неопытные, мы какъ будто бы поражены были громовымъ ударомъ, когда извергъ Боодило загремѣлъ цѣпями надъ головою отыскателя нашей земной полвселенной. Товарищи мои плакали, а я рыдалъ, увидя на ногахъ Колумба оковы, въ которыя повергли его коварство, ненависть, зависть и мщеніе за то, что слава его отразила и унизила всѣ предубѣжденія невѣжества. Не порицая порывовъ чувствительности нашей, почтенный Лебланъ говорилъ: «Не смущайтесь; не жалѣйте о Колумбѣ; онъ не промѣняетъ оковъ своихъ на всѣ сокровища древняго и новаго міра; онъ не будетъ выпрашивать никакихъ великолѣпныхъ памятниковъ; онъ прикажетъ только положить оковы свои въ одинъ съ нимъ гробъ!» Слабо и темно понималъ я тогда, отъ чего и для чего люди гонятъ другъ друга? Я и тогда жарко вступался за гонимую невинность; и теперь еще дивлюсь, какъ можно жизнь любви мѣнять на геенское пламя ненависти? Мы ознакомились съ Мексиканскою Державою, не отъ горсти ратниковъ Кортеца, но отъ ненависти къ мучителю Монтезумѣ, котораго по мрачному и звѣрскому нраву можно назвать Мексиканскимъ Тиверіемъ. Мы плакали и оплакивали паденіе миролюбивой Державы Перуанской. Мы гнушались завоевателями, не щадившими невинности и добродѣтели. Мы запечатлѣвали въ памяти имя *Манки*, названнаго *Капакою,* т. е. мужемъ богатымъ добродѣтелями и душевными способностями. Мы затвердили и трудное имя Инки Пакакутеки или *преобразователя міра*. Лебланъ прочиталъ намъ нѣкоторыя изъ нравственныхъ его правилъ, сохраненныхъ Герерою и Силисомъ. Въ числѣ ихъ было и слѣдующее: *зависть есть червь,*

который гложетъ и истощаетъ внутренность завистниковъ. И такъ не сердитесь на злобныя ихъ стрѣлы: ихъ казнь въ нихъ самихъ».

Мы знакомились съ Америкой и Американцами, а Россія все еще скрывалась отъ насъ въ какомъ-то отдаленномъ туманѣ.

Къ классному нашему ученію присовокупилось ученіе военное; изъ насъ, то есть, изъ кадетъ втораго возраста, выбраны были въ *егеря*. Мы легко и забавляясь привыкли къ вытяжкѣ и выправкѣ. Въ это самое время раздана была намъ съ Русскимъ переводомъ рѣчь: *Объ обязанностяхъ военнаго человѣка,* до насъ еще сочиненная Леклеркомъ.

Леклеркъ и Левекъ преподавали нѣкоторое время въ Кадетскомъ Корпусѣ Французскую Словесность. Они оба сочинили Русскую Исторію или, лучше сказать, передѣлывали своимъ слогомъ то, что передавали имъ старозавѣтные Галломаны XVIII вѣка. Я нѣкогда укорялъ ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; каюсь въ этомъ грѣхѣ. Ни Леклеркъ, ни Левекъ, не заглядывали въ Русскихъ Лѣтописцевъ; но взглядъ послѣдняго на коренной духъ Русскаго народа дѣлаетъ ему честь. Вотъ слова его: «Личное самолюбіе все относитъ къ себѣ, во всемъ хочетъ видѣть себя. Англичане, Италіянцы, Нѣмцы, пріѣзжающіе въ Россію, порицаютъ Русскій народъ за то, что онъ на нихъ не похожъ. Но разсмотрите его внимательнѣе, и вы признаетесь, что онъ и расторопенъ и понятливъ. А эти два качества ведутъ ко всему».

«Побѣда первая, побѣда надъ сердцами».

Подъ знаменемъ этой побѣды идемъ за Графомъ Ангальтомъ въ обитель третьяго возраста, въ огромную залу, названную: *увеселительною залою*.

Смотрите! вотъ у средины задней стѣны величаво возносится мраморный истуканъ Марса, верховнаго божества Римлянъ, обладателей древней вселенной; но не страшитесь его! Это не тотъ Марсъ, не тотъ Гомеровъ Арей, который крикомъ своимъ заглушалъ вопли тысячныхъ ратныхъ сонмовъ. Это Марсъ — сблизитель сердецъ.

По одну его сторону стихи Фридриха II:

«Dans vos moindres soldats croyez voir vos enfans»;

По другую сторону того же Короля-Поэта слѣдующіе стихи:

«Si vous voulez passer sous un arc triomphal,
Campez en *Fabius*, marchez en *Annibal*».

Далѣе отъ истукана Марса, выравнивались бюсты Александра Македонскаго, Катона Утикскаго и другихъ знаменитыхъ мужей Римскихъ и Греческихъ.

У другой стѣны былъ образецъ Вобановой крѣпости въ огромномъ ящикѣ съ крышкою. Тутъ проглядывало очень странное сближеніе разнородныхъ вещей. Подъ крышкою были всѣ крѣпостные виды, а на крышкѣ переплетами прибиты были для прочности гвоздями около сорока частей: Cabinet des fées, (кабинетъ волшебницъ). Это Французское изданіе дышало роскошью очаровательныхъ картинъ. Для чего

сближенъ былъ Вобанъ съ волшебницами? Вѣроятно, для приманки.

Вся наша каменная стѣна, заслонявшая насъ со всѣхъ сторонъ отъ *закорпуснаго міра,* исписана была нравственными изрѣченіями Французскими, Нѣмецкими и Русскими. Тамъ начертаны были различныя эмблеммы и системы міра Птоломея, Тихобраге и Коперника. Александръ *Клушинъ,* бывшій нѣкогда сотрудникомъ И. А. *Крылова* въ изданіи журнала, съ большою похвалою отзывался о нашей стѣнѣ, названной *говорящею стѣною.* И онъ правъ. Стѣна наша, получившая глаголъ свой отъ Графа Ангальта, дѣйствительно, говорила и глазамъ и уму и сердцу. Изрѣченія краткія, умныя — сіи отклики превосходнѣйшихъ древнихъ Писателей, врѣзывались въ память, сливались съ понятіемъ и служили нитью къ отысканію другихъ мыслей, нераздѣльныхъ съ движеніемъ сердца. Графъ живое чувство нравственности предпочиталъ холодной учености, отклоняющей человѣка отъ человѣка. Мы читали на стѣнѣ, что «занимамься Науками и не любить людей, все то же, что зажечь свѣчу и зажмуриться». Мы читали на стѣнѣ изрѣченіе Восточнаго мудреца Гусганга: «Громъ рѣдко гремитъ, но солнце свѣтитъ каждый день; за одинъ ударъ карательный, Богъ изливаетъ на насъ тысячу источниковъ благости своей». Стѣна наша ознакомила насъ съ симъ Божественнымъ правиломъ Конфуція. «Милосердіе есть побужденіе постоянное и обдуманное, обрекающее насъ въ жертву рода человѣческаго, какъ будто бы онъ составляетъ одно лице съ нами,—побужденіе, сопричащающее насъ

къ его злоключеніямъ и къ благодатнымъ его днямъ». Далеко за нашу стѣну, за моря, за Океанъ, повсюду, гдѣ только напечатлѣвался слѣдъ ноги человѣческой, переносили насъ слѣдующія слова:

«О, братья! мы всѣ вмѣстѣ отправляемся въ путь: одни на Сѣверъ, другіе на Полдень, на Западъ, на Востокъ. Намъ нужны и различныя одежды и различные запасы жизненные. Но по душѣ и по сердцу, мы всѣ дѣти одного семейства; а Вождь и Отецъ его, давъ намъ различныя блага, вложилъ въ душу и въ сердце нераздѣльную любовь къ человѣчеству. Солнце освѣщаетъ міръ нравственный, а любовь освѣщаетъ міръ человѣчества».

Объясняясь о цѣли исписанной стѣны, Графъ говорилъ: «Кажется, любезныя дѣти, что съ умомъ также надобно обходиться, какъ и съ тѣломъ: то есть питать и подкрѣплять его каждый день. Что дѣлаютъ, чтобы питать ваше тѣло? По утру предлагаютъ вамъ завтракъ, а предъ обѣдомъ и ужиномъ полдникъ. *Обѣдъ* и *ужинъ ума,* если допустятъ это сравненіе, суть ученіе, размышленіе и прилежаніе въ классахъ; *завтракъ* и *полдникъ* суть разговоры и мысли, внушаемые нашею говорящею стѣною, когда прогуливаетесь въ саду со мною или съ вашими наставниками, или когда разсуждаете между собою».

Подъ сводомъ лазурнаго неба, въ саду, населенномъ не Нимфами и Оридами но одушевленномъ духомъ опытной мудрости всѣхъ вѣковъ, Графъ Ангальтъ былъ первымъ нашимъ наставникомъ. Онъ объяснялъ намъ изрѣченія, каждую мысль и, называя воспитаніе нѣжною и заботливою матерью, съ

кротостію отвѣчалъ на вопросы наши и терпѣливо разрѣшалъ наши сомнѣнія.

Живя для Кадетъ, Графъ завѣщалъ имъ и прахъ свой. Въ срединѣ предъ кадетскимъ лагеремъ, учреждаемымъ въ лѣтніе мѣсяцы, врыта была мраморная доска съ надписью, кто подъ ней лежитъ. Вотъ какъ объ этомъ говорилъ Графъ.

Графъ Ангальтъ по двумъ причинамъ помѣстилъ надгробный свой камень въ саду Кадетскаго Корпуса. «Во-первыхъ, по праводушію; во-вторыхъ, по обязанности: по праводушію — въ изъявленіе привязанности моей къ нимъ, оставаясь и послѣ смерти съ ними или родственниками ихъ или съ ихъ дѣтьми; по обязанности — чтобы примѣромъ моимъ, такъ-сказать, сроднить ихъ съ послѣднимъ явленіемъ жизни человѣческой. Ибо, повѣрьте мнѣ, мои юные и любезные друзья! страхъ смерти есть страхъ пустой, безполезный и ничтожный, — страхъ, свойственный людямъ робкимъ, слабоумнымъ и приковавшимъ умъ къ одному праху земному».

«Любезныя дѣти! вотъ *четвероугольникъ*, гдѣ помѣстится мой прахъ. Около него плющъ и незабудочки съ надписью: *не забудь меня!* Къ нимъ привьются мирты и гирлянды. Миртъ — эмблемма мертвой природы, плющъ — пріязни; онъ льнетъ и обвивается; незабудочки — душа этой картины; связки цвѣтовъ — эмблемма Кадетовъ; листья плющевыя — чувствъ погребаемаго. Миртъ окончательное дѣйствіе картины».

На другой день послѣ великолѣпныхъ похоронъ Графа Брюса, Графъ сказалъ намъ: «Меня будутъ погребать не такъ пышно; Кадеты попросятъ своихъ

кроликовъ подрыться подъ мой надгробный камень, а четыре старшіе сержанта меня положутъ подъ каменья—дѣло будетъ въ шляпѣ. Cela va fort bien: la montagne est passée.

Къ предметамъ своего и нашего ученія, Графъ Ангальтъ присовокупилъ: cahier surnumèraire. Въ эту тетрадь должны мы были вписывать то, что встрѣчали примѣчательнаго въ книгахъ, которыя читали. Кому удавалось сдѣлать хорошій выборъ мыслей, изрѣченій, отрывковъ историческихъ, замысловатыхъ словъ, анекдотовъ, тетрадь того удостоивалась и переплета и приписки Графа. Онъ очень былъ доволенъ, находя у насъ извлеченія изъ героя его, Фридриха II. Впрочемъ, онъ выхвалялъ и мысли, дышавшія Фенелоновою душею. Одни изъ Кадетъ проходили основательно поприще класснаго ученія; но въ другихъ вѣроятно, мыслящая сила и никогда бы не пробудилась безъ тѣхъ мимо-классныхъ пособій, изобрѣтенныхъ Графомъ Ангальтомъ. Гдѣ только недоученымъ его питомцамъ представлялся въ свѣтѣ случай къ дѣйствію души, тамъ съ удивительною быстротою развивались понятія ихъ. Встрѣтясь съ нѣкоторыми изъ сотоварищей моихъ послѣ заграничныхъ ихъ походовъ, начавшихся съ 1799 года, я изумился основательному изъясненію ихъ на языкахъ иностранныхъ и обильному богатству ихъ познаній. Локкъ давно совѣтывалъ пріучать къ выпискамъ. Но были и такіе Кадеты, которые, вышедъ изъ Корпуса съ полнымъ курсомъ классическаго ученія и ставъ на ряду съ обыкновенными Офицерами, упадали подъ бременемъ учебнымъ и хватаясь въ унынiи духа за Бахусову чашу, исчезали

прежде времени и для службы и для свѣта. Были и такіе, которые напитались свободою Рима и Аѳинъ, оставляли службу и сами не зная для чего. Но если кому удавалось переломить себя и свыкнуться со шпагою, тотъ, исполнивъ обязанности міра существеннаго, переходилъ съ новою бодростію духа въ міръ Римскій и Греческій. Въ числѣ сихъ новыхъ жильцевъ міра древности былъ Яковъ Петровичь Кульневъ. Воинъ нашъ И. Н. Скобелевъ изобразилъ въ запискахъ своихъ героя-Кульнева. Не соперничествуя съ нимъ, нѣкоторыя подробности о незабвенномъ Кульневѣ предложу въ запискахъ моихъ о 1812 годѣ. Подобно Ѳивскому Эпамимонду, любилъ онъ мать свою и дѣлился съ нею жалованьемъ, и подобно Филопомену, былъ простъ въ одеждѣ и въ быту общественномъ. Я коротко ознакомился съ Кульневымъ, когда (какъ увидятъ послѣ) былъ я въ Сумскомъ Уѣздѣ Учителемъ, а онъ служилъ Маіоромъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку. Оживляя въ лицѣ своемъ Эпаминонда и Филопомена, и породнясь душею и съ Фабриціемъ, Кульневъ дорожилъ своею бѣдностію и называлъ ее «величіемъ древняго Рима». Когда сослуживцы его напрашивались къ нему на обѣдъ, онъ говорилъ: «Щи и каша есть, а ложки привозите свои». Плутархъ былъ съ нимъ неразлученъ: съ его «Жизнями великихъ мужей», отдыхалъ онъ на скромномъ плащѣ своемъ. съ нимъ леталъ въ почтовой повозкѣ и, какъ я уже сказалъ, у нихъ перенялъ то чувство, которое находило величіе въ нуждахъ жизни и бѣдности. Въ чудесную войну 1812 года, когда, въ XIX столѣтіи, Русскимъ довелось защищать Отечество на берегахъ Двины взятъ былъ въ плѣнъ

раненый Генералъ Сенъ-Женье, пришедшій въ рядахъ Наполеонова нашествія съ береговъ Сены. Кульневъ собственными руками и собственнымъ бѣльемъ перевязывалъ ему раны. Вскорѣ потомъ палъ онъ на полѣ битвы. Услыша о его смерти, Сенъ-Женье пролилъ слезы и сказалъ: «Въ полкахъ Русскихъ не стало героя человѣчества!» И такъ до послѣдняго біенія сердца своего Кульневъ сохранилъ правила Графа Ангальта, желавшаго, чтобы всѣ его питомцы были героями человѣчества и на полѣ битвъ и на поприщѣ гражданскомъ.

Ученіе Графа Ангальта можно назвать ученіемъ предварительнымъ, которое, знакомя исподоволь съ различными предметами, не изнуряетъ способностей ума и сберегаетъ полноту ихъ къ предлежащему ученію. Воспитаніе, повторяю еще, называлъ онъ нѣжною матерью, которая, отдаляя терны, ведетъ питомца своего по цвѣтамъ.

Въ лучахъ мирныхъ и сердечныхъ побѣдъ, 1791 года Генваря 14 сошелъ съ поприща Русской Словесности и человѣчества, Яковъ Борисовичь Княжнинъ, наставникъ Словесности въ Кадетскомъ Корпусѣ. Отличаясь стройнымъ станомъ, онъ отличался и такою же душею. Кротость и какая-то томность проявлялись во всѣхъ чертахъ лица его. Свои и чужія произведенія читалъ онъ съ разстановкою и выразительностію. Въ пылкой юности былъ онъ въ военной службѣ и кружился въ вихрѣ разсѣянности, но не долго. Музы переманили его подъ сѣнь миртовъ и пальмъ своихъ, а Иванъ Ивановичь Бецкій принялъ его въ Секрета-

ри свои и опредѣлилъ въ Кадетскій Корпусъ наставникомъ Русской Словесности. Душа его, говоря его словами:

«Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда
Не приносила жертвъ Фортунѣ никогда».

Онъ былъ женатъ на дочери Александра Петровича Сумарокова и, подражая ему, втѣснилъ трагедіи свои въ ничтожный объемъ Писателей вѣка Людовика XIV. Дивный Шекспиръ, живописецъ природы и сердца человѣческаго, могъ бы дать полетъ мысли его на поприщѣ драматическомъ; но онъ былъ въ загонѣ во Франціи, слѣдственно и у насъ. Вольтеръ переряжалъ Шекспировы трагедіи по модѣ Парижской и смѣялся надъ нимъ.

Раболѣпное благоговѣніе къ Французскому театру внушалъ намъ Аллеръ, учитель нашъ Французской Риторики. Высокопарнымъ слогомъ своимъ онъ провозглашалъ намъ: «Корнель владычествуетъ въ небесахъ, Расинъ на землѣ; Кребильйонъ въ областяхъ преисподнихъ». Вольтеру въ этомъ разрядѣ не давалъ и уголка. До званія Учителя Риторики, Аллеръ былъ въ числѣ Французскихъ адвокатовъ. Хотя нашъ адвокатъ–Риторъ и не открылъ *Ньютоновой* теоріи; но, подобно ему и лѣтомъ и зимою носилъ одинакую одежду. То былъ родъ полукафтанья, подбитаго мѣхомъ и съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ. Въ жару самодовольствія, ударяя по карманамъ, онъ восклицалъ! «У меня въ карманахъ вся Французская Словесность!»

Возвратимся къ Княжнину.

Острыя комическія шутки Княжнина и теперь еще ловко откликаются. Разговаривая со мною о Княжнинѣ, одинъ изъ новыхъ комиковъ сказалъ: «Хвастунъ его дышитъ веселостію». Прибавлю, и отважностью.

Говорятъ, что первое представленіе оперы: *Несчастье отъ кареты,* было въ Эрмитажномъ театрѣ въ присутствіи Екатерины.

Княжнинъ зналъ Италіянскій языкъ и занялъ изъ него трагедію: *Титово милосердіе.*

Изъ Нѣмецкихъ Писателей любилъ онъ особенно Геснера и перевелъ нѣсколько Идиллій. «Какъ счастливъ Геснеръ!»—говорилъ онъ—«кисть его оживляла прелести родныхъ долинъ и онъ былъ нѣжнымъ сыномъ Природы!» Часто, очень часто перелеталъ Княжнинъ мыслію подъ небосклонъ древней Гельвеціи, гдѣ новый Ѳеокритъ дышалъ горнымъ воздухомъ живописной и обильной славными напоминаніями родной страны

Охотно отдавалъ Яковъ Борисовичь справедливость другимъ и радовался успѣхамъ Отечественной Словесности. Ему удалось еще въ рукописи прочитать первыя письма Русскаго Путешественника Н. М. Карамзина. Перечитывая ихъ намъ съ восторгомъ, онъ сказалъ: «Этотъ молодой человѣкъ проложитъ новое поприще въ Русской Словесности».

Въ жизни Княжнина есть черты, достойныя пера Плутарха и Ж. Ж. Руссо. Въ слякоть и непогоду онъ идетъ, бывало, въ загрязненномъ сюртукѣ отъ того, что деньги, взятые на извощика, не держались въ рукѣ, когда встрѣчался на дорогѣ бѣднякъ-проситель. Случалось также, что, увидя туманное лице слу-

ги, пожуреннаго госпожею, онъ, не перешагнувъ и за порогъ, совалъ тайкомъ ему въ руку деньги, говоря: «Братецъ! будь повеселѣе!»

Хотя фортуна-мачиха не очень щедро надѣлила Якова Борисовича дарами своими, но и у него бывали дружескія пирушки.

Мѣсто Княжнина занялъ у насъ Николай Яковлевичь Озерецковскій, Академикъ, Естествословъ, Врачь, словомъ мужъ ученый, обладавшій различными свѣдѣніями. Онъ сопровождалъ въ путешествіи по чужимъ краямъ Графа Бобринскаго.

Изучась Анатоміи, онъ не только объяснялъ намъ смыслъ фигуръ риторическихъ, но и дѣйствіе ихъ на внутренній составъ тѣлесный. О Н. М. Карамзинѣ онъ былъ совершенно различнаго мнѣнія съ Княжнинымъ. Случилось мнѣ читать Озерецковскому переводъ Карамзина Вольтерова *Экклезіаста*. При стихѣ:

«Ничто не ново подъ луною.»

онъ вспыхнулъ отъ досады и проворчалъ: «не правда! не подъ луною; а подъ солнцемъ: на что такъ срамить землю?»

Въ путешествіяхъ Озерецковскаго по Россіи есть много полезнаго по части внутренняго хозяйства. Слогъ ясный и приличный разсказу; мѣстами встрѣчаются удачныя и счастливыя выраженія; напр. онъ говоритъ, что, осматривая Астрахань съ окрестныхъ ея возвышеній, онъ любовался ею; но когда вошелъ въ грязныя ея улицы, то ему показалось, что вся красота Астрахани осталась на ея холмахъ.

1793 года изъ перваго, то есть высшаго класса, нѣсколько учениковъ выбраны были для слушанія Логики, въ число которыхъ, не знаю почему, попалъ и я. Профессоромъ нашимъ Логики былъ Христіанъ Ивановичь Безакъ, отличавшійся ученостію и благодушіемъ, неразлучнымъ съ истинными познаніями. Выводы логическіе объяснялъ онъ выкладками и формулами алгебраическими. Престарѣлый нашъ Профессоръ, шутя самъ надъ способомъ своего преподаванія, говорилъ смѣючись: «Моими крючками можно ловить мышей». Ретивое мое воображеніе никакъ не подавалось на эти крючки. Я слушалъ разсѣянно, въ тетрадь ничего не записывалъ, а засунувъ книгу подъ столъ читалъ украдкою Французскихъ Писателей. Профессоръ зналъ это и, не сердясь на меня, почти въ каждый классъ вызывалъ меня на словесный бой... Не вѣдаю, какъ предлагалъ я доводы свои, a priori или a posteriori. Знаю только, что пылкая и порывистая моя діалектика очень забавляла нашего Профессора. Иногда препирались мы по получасу и болѣе и не рѣдко открыто изъявлялъ я несогласіе свое.. Великодушный мой сопротивникъ, подлинно ли или въ шутку, уступая мнѣ, приговаривалъ: «Вамъ надобно выдержать тридцать походовъ и тридцать сраженій, а безъ того у васъ все будетъ въ головѣ стихотворный вѣтеръ».

Въ половинѣ 1794 года скончался Графъ Θедоръ Евстафіевичь Ангальтъ. За два дни до смерти своей онъ посѣтилъ нашъ Корпусъ. Блѣдностію было подернуто лице его, но въ глазахъ свѣтилась привѣтливость, подобно лучамъ солнечнымъ, безмятежно угасающимъ на Западномъ небѣ. Къ тѣлу его назна-

ченъ былъ Поручикъ Владиславъ Александровичь Озеровъ и двѣнадцать человѣкъ Кадетъ, въ числѣ которыхъ и я былъ. Около полудня пришли мы въ бывшій домъ Графа Григорія Григоріевича Орлова, гдѣ жилъ Графъ Ангальтъ и умеръ на простой постелѣ. Въ пространной залѣ, дотого всегда пустой, застали мы множество престарѣлыхъ отставныхъ Офицеровъ, вдовъ и сиротъ. Иные изъ нихъ стояли около гроба на колѣняхъ, другіе горько плакали, прислонясь къ стѣнѣ. Такихъ посѣтителей стекалось часъ отъ часу болѣе. Бросаясь на колѣни передъ тѣломъ, они восклицали: «Отецъ! милостивецъ! благодѣтель нашъ! кто будетъ безъ тебя нашимъ кормильцемъ!» Смерть высказываетъ жизнь; смерть высказывала человѣколюбивые подвиги Графа Ангальта. Дивились прежде, куда исчезали его доходы; всѣ дивились, куда скрылся богатый серебряный столовой сервизъ, подаренный ему Екатериною? Тутъ у гроба все объяснилось. Большую часть жалованья своего и проданный сервизъ употреблялъ онъ на вспоможеніе бѣднымъ. Вполнѣ увидѣлъ я, что день погребенія человѣка добродѣтельнаго есть день общаго сѣтованія.

Общая любовь Петербургскихъ жителей провожала Графа въ могилу. Улицы, по которымъ везли на Волково поле тѣло его, затѣснялись народомъ. Кровли усѣяны были зрителями, повсюду раздавались восклицанія: «Онъ былъ отцемъ Кадетъ!» А бѣдныя семейства, провожавшія его, прибавляли: «Онъ былъ и нашимъ отцемъ!»

Послѣ Графа Ангальта поступилъ въ начальники Корпуса Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, герой Мачинскій, Измаильскій, и совершившій блистательное

посольство при Портѣ Оттоманской, гдѣ острыми шутками разсвѣтлялъ угрюмыя лица членовъ Дивана. Мы были уже тогда въ пятомъ, то есть старшемъ возрастѣ; я былъ ораторомъ и привѣтствовалъ новаго Начальника.

Въ Декабрѣ 1794 года Михаилъ Ларіоновичь Кутузовъ приступилъ къ изслѣдованію насъ въ Наукахъ. Этотъ экзаменъ происходилъ по вечерамъ. Началось съ Русской Словесности. Николай Яковлевичь Озерецковскій задалъ намъ сочинить письмо, будто бы препровожденное къ отцу раненымъ сыномъ съ поля сраженія. Кадетъ Егоровъ былъ первымъ по классу, Колостинскій вторымъ, а я третьимъ. Дошла очередь до меня. Я читалъ съ жаромъ и громко. Кутузовъ вслушивался въ чтеніе мое. Лице его постепенно измѣнялось и яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ при слѣдующихъ словахъ: «Я раненъ; но кровь моя лилась за Отечество и рана моя увѣнчала меня лаврами. Когда же сынъ вашъ пріѣдетъ къ вамъ, когда вы примите его въ объятія свои, тогда радостное біеніе сердца вашего скажетъ: твой сынъ не измѣнилъ ожиданіямъ отца своего!» У Кутузова блеснули слезы, онъ поцѣловалъ меня и произнесъ мнѣ этотъ роковой и бѣдоносной приговоръ: «Нѣтъ, братъ! ты не будешъ служить; ты будешь Писателемъ».

При выпускѣ нашемъ, бывшій нашъ товарищъ Толь (въ послѣдствіи Графъ и Генералъ отъ Инфантеріи) обратилъ на себя особенное вниманіе Кутузова. Михаилъ Ларіоновичь полюбилъ Толя за искусные чертежи ситуаціонные и за охоту къ военнымъ Наукамъ, «Послушай, братъ»!—сказалъ онъ Толю—

«чины не уйдутъ, Науки не пропадутъ. Останься, да поучись еще». Толь остался, и Кутузовъ сроднилъ его съ своими опытными познаніями.

(Изъ Приб. къ Жур. М. Н. Пр. 1845, Кн. 1).